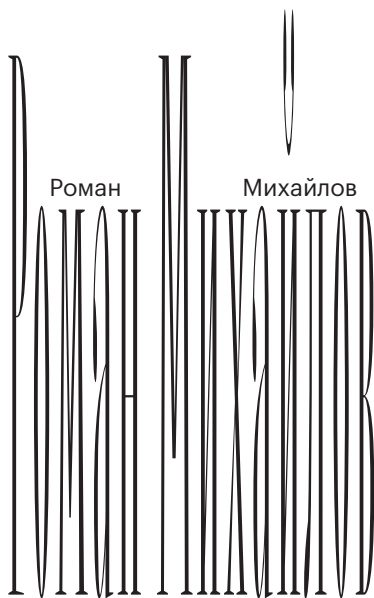

/sub

Роман

Михайлов

Песни

джиннов

Individuum

2026

УДК 7.01
ББК 87.8
М69

Михайлов, Роман

М69 Песни джиннов / Роман Михайлов. — М.: Individuum,
Эксмо, 2026. — 192 с.

ISBN 978-5-04-247888-8

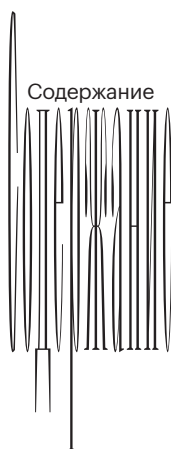
«Песни джиннов» складываются из дневниковых записей за полтора года, воспоминаний, снов, заметок о работе над фильмами и спектаклями. В книге Романа Михайлова позднесоветское детство встречается с современной Индией, сказки Пушкина — с бенгальским фольклором, музыка Штокхаузена и Мессиана — с размышлениями о ритме, впечатлении и природе искусства. А в финале открываются двери в волшебную школу, где всё наконец-то начинается по-настоящему.

УДК 7.01
ББК 87.8

 individuum /sub

ISBN 978-5-04-247888-8

© Роман Михайлов, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Individuum®

Впечатления	11
Ритм	19
Конец августа	24
Дворец пионеров	32
Октябрь	38
Ноябрь	45
Декабрь	69
Январь	93
Театр	101
Май	114
Июнь	118
Июль	124
Август	128
Сентябрь	137
Октябрь	144
Ноябрь	154
Май	159
Сказка	162
Часть первая. История русалки	165
Часть вторая. Свадьба	172
Лекции в волшебной школе	183

В основном это дневниковые записи, собранные за полтора года. Наверняка они будут интересны тем, кто ценит наши фильмы и спектакли и хочет заглянуть в «изнанку». Или еще кому-то. Или никому. Написать текст, который никому не интересен — забавная задача. Но, кажется, это все же не тот случай. Нет, точно не никому. Этот текст вызовет некий интерес у неких людей — это бесспорно. И хорошо. Этого достаточно, чтобы его опубликовать.

Это откровенное чувство и размышление о музыке, ритме и впечатлении. Мой эстетический трактат. Пока есть смелость, надо публиковать. Хорошо, что пишется не от руки, а фрагментами на компе, и, более того, кусочки рассылаются друзьям. Было бы это записано на бумаге в одном экземпляре — уже давно бы сжег или зарыл при лунном свете, прошептав: «Такое нельзя показывать». Это слишком интимно. Но сейчас день, светит светлое небо в окне, и все вокруг намекают: «Только откровенные вещи и интересны в нашем мире». Все остальное уже рассказано. Да и это тоже

уже рассказано. Ну и что? Повторю еще раз. Кому-нибудь оно покажется новым и удивительным.

Больше десяти лет назад я написал нечто, названное трактатом об узорах. Прошло еще два года и появился трактат о языках. И еще через два с половиной года — трактат о памяти и ритуалах. Эти три книги кого-то порадовали, случилось узнавание: люди писали, что в текстах много того, о чем они догадывались, но то ли боялись, то ли ленились высказать вслух. Недоумения эти тексты тоже вызвали немало, но так бывает всегда, нечему удивляться. Вообще говоря, это же так естественно для человека: записывать все, что он может помыслить на темы, которые его интересуют... Узоры, языки, ритуалы. А теперь ритм. Еще и музыка, и впечатление. Да, определенно это можно рассматривать как четвертую часть.

Сразу скажу. В конце есть «Сказка» — почти пьеса. Если кто-то захочет ставить на сцене, я буду лишь счастлив. Не надо спрашивать разрешения. Ставьте, если нравится. На самом деле, весь этот текст можно воспринимать как пьесу и раскладывать на разные голоса. Да, это пьеса! И пусть вас не смущает, что здесь нет деления по ролям и привычной драматургической структуры. Все равно это пьеса. Не только «Сказка», но и сами «Песни джиннов». Кто-нибудь однажды осмелится и все это поставит. На черной сцене в желтом свете.

Итак. Узоры, языки, ритуалы, ритмы. Это все? Нет, есть еще кое-что, но сейчас не буду раскрывать, что именно.

Не-не, не подумайте, что я сходу начинаю с некой пафосности. Это вовсе не пафосность, а театральная привычка. Вывести

в начале спектакля рассказчика, который предупредит или посмешит. Такой нелепый чел в куртке и шапке. Выходит и бубнит. Это было в моем спектакле тридцать лет назад, затем двадцать лет назад, десять лет назад и вот, в этом году. Одно и то же вступление. Дорогие друзья, читайте, негодуйте, радуйтесь. Как будет, так и будет. Однажды мы с вами попадем-таки в волшебную школу, и там уже все начнется по-настоящему.

Представьте гномика, который мчит по огненной земле под звуки из компьютерной игры восьмидесятых, забегаает в свой домик, забирается под перину, закидывается подушками, застывает и засypает. Вот! Этот текст — дневник его снов.

Нет-нет. Все очень серьезно.

Впечатления — это следы, оставленные кем-то или чем-то в сознании. Так обычно понимается. Что такое «сознание» и как в нем могут оказаться следы — лучше не уточнять, а то запутаемся. Когда кто-то скачет или кого-то волокут по заснеженной земле — получаются разные следы. В общем, следы — это то, что остается, и впечатления — то, что остается и даже удерживается в мыслях. Но мысли тут не обязательны. Впечатление можно не осмыслять, оно может вспыхивать или мерцать, не входя в мыслительный поток. Оно может сниться или появляться в болезненном бреде. В общем, впечатление — это некий остаток.

Вы можете восстановить свои старые впечатления от, скажем, кино? Ясно, что полноценно их восстановить не получится,

но хоть как-то. Вам лет десять, вы сидите на диване, смотрите на экран. Там происходит нечто, и оно откладывается в вашем сознании, заставляет вглядываться. Оно может быть совсем неясным, непонятным, но почему-то оно всплывает, когда вы закрываете глаза и засыпаете. Попробуйте. Вы, скорее всего, наткнетесь на одну сложность: впечатления от кино не так просто отделить от впечатлений от мира вообще. Трудно понять, где вы видели странного человека с большим круглым лицом — в кино или у собственного подъезда. Или он вообще приснился, а в этой реальности его и не было. Но если приснился, то он тоже стал частью реального — его можно вспоминать, его жизнь можно домысливать. То, что в нас остается — гремучая смесь трудновыразимых образов и ощущений. Иногда человек там прячется: это его темное логово, заполненное призраками. Причем тут призраки? Об этом чуть позже.

Есть несколько образов-событий... И я никак не могу разобраться в памяти: видел ли их в кино или они произошли в привычной жизни. Соседи за столом что-то не поделили. И мужчина средних лет плеснул заварку из чайника на портрет умершего родственника, на фотографию в рамке на стене. Как я мог при этом присутствовать? С другой стороны, а что это за фильм? Человек на черно-белой фотографии — спокойный, налитой, уверенный. А тот сосед, что вылил заварку, видимо, разгневался. Направить гнев на кого-то из живых не хватило смелости, а на покойного — можно.

Второй фрагмент. Мой отец стоит у дерева и смотрит на наше окно. Льет дождь, он мокнет, но продолжает неподвижно стоять. Это явно не сюжет из фильма, он не мог попасть на экран,

но вполне мог соединиться с чьим-то образом. Возможно, так стоял и смотрел на окно не мой отец, а некий персонаж, но в сознании этот персонаж стал именно им. И окно было, естественно, не наше, а чье-то еще. На фоне звучала трогательная музыка, как в фильмах конца семидесятых. Вы можете представить такую картину и поставить, к примеру, музыку Рыбникова. Одинокий человек стоит под дождем, где слезы, где дождь — непонятно, и играет что-то вроде: «Ветер весенний, ночной, принесет тебе вздох от меня».

Есть важное различие между просмотром фильмов тогда и сейчас. Тогда мы не могли их пересматривать по своему желанию. Сейчас же есть возможность пересмотреть любое кино, остановить, отмотать назад или вперед. А раньше мы могли смотреть лишь то, что показывается по телевизору, никак не влияя на содержание, не имея толком никакого выбора. Это было похоже на поток времени, в котором ты существуешь. Вернее, на три потока, потому что было три канала. Ты можешь выключить, включить, выбрать один из трех каналов, установить громкость — и все.

Правда, были редкие люди с видеомагнитофонами — можно сказать, зажиточные, по-своему воспринимавшие советскую действительность. У них наверняка было другое восприятие кино. Однажды меня кто-то спросил, что бы я сделал, если бы у меня оказался видеомагнитофон. Я почему-то ответил — прекрасно помню этот ответ — что останавливал бы фильмы и перерисовывал кадры в тетрадку. Зачем-то. Сейчас не просто понять, откуда возникло подобное желание, а оно естественно: это желание захватить проматываемые образы, сделать так, чтобы их можно было разглядывать.

Телевизор был чем-то вроде форточки в иной мир, порталом в то, что не имеет отношения к реальному. Никто не видел людей, что показывались там — да и более того, никто не знал никого, кто бы их видел. Наш бывший сосед дядя Саша иногда заходил к нам, спрашивал разрешения посмотреть телевизор, садился прямо на ковер, обхватывал колени и втыкал в мельтешащие картинки на экране почти не моргая.

У него была какая-то особая чувствительность: он мог выйти поутру во двор и заголосить как чайка.

Кстати, про чаек. Они залетали к нам во дворы, копались в мусорных баках, волокли клювами по асфальту целлофановые пакеты с красной жидкостью. Соседи говорили, что в море не осталось рыбы, поэтому чайки теперь и занимаются невесть чем, удивляя ворон и голубей. Все это — в тишине. Но иногда они болезненно вопили. Будто тишина скапливалась в них и вырывалась наружу отчаянным криком. И дядя Саша так же. Он смотрел телевизор с какой-то нездоровой жадностью, боясь пропустить важное послание. Сейчас-сейчас там произнесут нечто драгоценное, касающееся его сущности. Час-два, никто ничего не произносит, но вот-вот это случится. Спросят: «Дядя Саша, ты внимательно смотришь?» Да, внимательно. Это хорошо, ты молодец.

Зачем все это смотреть? Действительно, это было непонятно, но многие привыкали жить при включенном телевизоре. Уже чуть позже, в начале девяностых, подобная жизнь оказалась дорогим удовольствием: стало непросто оплачивать счета за электричество. Но, опять же, находились лазейки. Если счетчик располагался внутри квартиры, а не на общей

лестничной клетке, на него, бывало, вешали магнит, и он переставал крутиться. Такое каралось огромными штрафами, и те, кто умудрялся так жить, годами хоронились от рыщущих контролеров. Главное — не открывать дверь абы кому, внимательно смотреть в глазок, если звонили. И все, можно смотреть телевизор без ограничений.

Когда-то хотел написать рассказ о поселении типа нашего. Несколько дней подряд шел дождь и на месте двора образовалось озеро, ну или пруд — как угодно. Жители взглянули в отражение неба в воде и увидели там ангелов. Сколько оставалась вода во дворе, столько виделись ангелы. Кто-то из жителей сразу же пошел молиться, решил поменять свою жизнь, а у кого-то все осталось по-прежнему. Даже не помню, как собирался закончить этот рассказ. Дома вокруг были бы краями огромной чаши, а вода — ее содержимым. И люди старались словами не подтверждать, что они видят, а лишь поглядывали друг на друга, пытаясь убедиться, что это не их собственная галлюцинация.

За последние пару лет пересмотрел множество советских фильмов, особенно рижской киностудии, пытаюсь прочувствовать ритмы. «Мираж», «Он, она и дети», «Сад с призраком», «Долгая дорога в дюнах» — все это я видел в детстве, и какие-то фрагменты этих фильмов слились со снами. Актерская пластика там совершенно особая, ее трудно представить в современном кино. Актер работает не со своей ролью, он работает с пространством вокруг себя, создавая некую ауру — эту ауру и цепляет камера. Если он не обращает внимания на пространство вокруг себя, то выпадает из кадра.

Фильмы рижской киностудии — это детские сны, темные и скучные. Но сны и должны быть скучными, иначе человек не отдохнет.

Когда-нибудь расскажу всю правду про Латвийскую ССР восьмидесятых. Ну как всю... Ту, что знаю.

Все это было похоже на кропотливую работу пожилого художника. Он брал нежные оттенки голубого, серого и светло-коричневого, без спешки смешивал, болтал кисточкой в литровой банке, наносил на холст — тихо-тихо, бережно-бережно. Под крики чаек, под взгляды моря, под шепот бездны, под замершие улыбки умерших соседей.

Белые журчащие барашки на волнах, пыль в воздухе, изображение в зеркале, разделенное на три части, все-все-все в предвкушении. Есть рядом невидимая сущность, она нас и обнимает.

Бабушка перебирает вещи в шкафу, перекладывает облигации, свои медали «Героя труда» (или медали за трудовую доблесть, забыл к своему стыду) и напевает песни Толкуновой. Полы деревянные, скрипучие, в дверях мутный глазок, в подвале старые велосипеды и бесконечные банки с вареньями и соленьями. Наступит зима — будем все это уплетать.

Прекрасно помню один июльский вечер 1983 года. Мы находимся около восьмого корпуса, вроде бы ничего не происходит, но воздух пропитан каким-то теплом и вниманием. Понимаю, что мне надо идти домой, бегу к своему подъезду, поднимаюсь на четвертый этаж, смотрю с балкона туда,

откуда прибежал, и слышу легкий гул — гул существования. Это благодать, она окутывает всех нас. И это ощущение — не мое, оно общее. Все чувствуют это, но не знают, как выразить, просто неподвижно улыбаются.

Мне непросто об этом вспоминать, сразу начинает куда-то нести. А дальше там ведь начинается боль, совсем другие образы... Если когда-нибудь буду снимать это, придется каждый день реветь на площадке, к концу съемок снова не останется нервов.

Это звучит наивно, правда? Но ведь наивное звучание во многом и формирует культуру.

В складках одеяла можно разглядеть драконов. Или историю похищения возлюбленной из замка, с погоней за лодкой, идущей по ночной воде, с говорящей рекой, которая укрывает героев. Может, так и с детскими впечатлениями. Они надежно хранятся в памяти, а когда выходят наружу, вызывают со стороны лишь недоумение.

Еще раз. Впечатления от кино не так просто отделить от впечатлений вообще. Где это происходило? В кино, во сне или в воображении? Или это подслушанный и домысленный рассказ? Это нигде не происходило, но почему-то четко осталось в памяти.

11 мая мне приснилась «теория впечатления». Сначала это был старый двор, я плыл по нему, а цыган стоял рядом, улыбался и подбадривал. Затем весь двор покрылся туманом, и вся эта дымчатость показалась источником будущих впечатлений. Из нее можно лепить то, что произведет впечатление.

Эта дымчатость — субстанция, из которой будут построены впечатления от кино, литературы, живописи. И, возможно, все они заложены в том дне, во дворе детства. Вас впечатлил фильм? Он отчасти там уже был показан. Впечатлила картина? Она рисовалась тогда, внутри того тумана.

В 1917 году появилась работа музыковеда Леонида Сабанеева «Ритм». Сначала там рассматриваются примитивные определения ритма вроде схем длительностей. Затем описывается желание уйти от временных искусств, и понять, что же такое ритм вообще. Приводятся разные идеи ритма как порядка, и в итоге автор выдает удивительное. Ритм — это принцип наименьшего действия в искусстве. Еще он пишет, что форма должна поглощаться содержанием, иначе «принцип ритма не воплотится». Там же появляется мысль: «То, что кажется источником стеснения, на самом деле оказывается источником красоты». Отсечение лишнего, проявление прекрасного через ритм...